

ЕВГЕНИЙ
КАРНОВИЧ

Очерки и рассказы
из старинного быта
Польши

Евгений Петрович Карнович

Свадьба Каси

(Очерки и рассказы из старинного быта
Польши)

«Кася была девушка лет восемнадцати; прямоте и стройности её стана могли позавидовать любые красавицы Варшавы и Кракова; густая, крепко заплетённая коса высоким бугорком поднималась над тёмными волосами; на смуглом лице Каси пробивался яркий румянец, на щеках её были ямочки, а глазки блестели, как блестят два огонька в бессарабской степи, когда их разведут там в тёмную осеннюю ночь кочевые цыгане около своего табора...»

Евгений Петрович Карнович

Свадьба Каси

В позднюю дождливую осень, в сумерки, когда на колокольне костёла в одном многолюдном местечке замолк уже протяжный и унылый звон, призывавший к вечерней молитве, тихо плёлся к этому местечку, под мелким, моросившим целый день дождём, отставной служивый капрал польских войск — Бурчимуха.

В местечке, к которому подходил старый служака, была в это время ярмарка; много набралось в местечко отовсюду разного народа. Здесь целый день, по грязным и тесным улицам, с самого раннего утра, медленно двигались фуры, колымаги, кочи и нетычанки, раздавалось хлопанье бичей, и слышались крики и перебранки. Целый день шныряли из одного конца местечка в другой факторы, приподнимая на бегу длинные полы своих чёрных, прадедовских халатов. Одни из факторов или доставали, или разменивали деньги; другие улаживали куплю или продажу; третьи бежали только к смазливеньким обитательницам местечка с разными поручениями от панов и паничей. Но теперь, когда подходил Бурчимуха поздним вечером к местечку, в нём не бы-

ло никакого движения; на улицах не было видно ни души, так что можно было бы подумать, будто вымер весь город, если бы на огромных лужах, стоявших на улицах, не отражались огни, горевшие в окошках небольших домиков, да посреди общей тишины не доносились из ярко освещённой корчмы звуки скрипки и цимбалов, сопровождаемые то весёлым припевом, то громким топаньем каблуков в разгульной, нескончаемой мазурке.

Старого служаку, усталого от большого перехода, не слишком занимало веселье, разгоравшееся в корчме всё более и более с каждым часом. Ему хотелось только добраться поскорее до тёплого угла, хорошенько высушиться и расправить свою спину, на которой он тащил довольно увесистую котомку с разными пожитками.

Вошёл наконец Бурчимуха в первый дом, стоявший при входе в местечко, и осведомился, нельзя ли ему приютиться здесь на ночлег? Отвечали ему, что весь дом набит битком приезжими на ярмарку гостями и посоветовали ему, чтоб он шёл подальше. Дальше

было тоже самое. Обошёл таким образом Бурчимуха домов десять: где он ни постучится, где ни попросится на ночлег, везде один и тот же ответ – нет места, да и только!

Посообразил, однако, служивый и то, что стоянки военного человека не очень любят ни по городам, ни по местечкам, ни по деревням, и что быть может нарочно отказывают ему в ночлеге, побаиваясь, что служивый, по своей привычке или побуянит, или, что ещё хуже, приволокнётся, пожалуй, за хозяйской женой или за хозяйской дочерью, если только они для этого покажутся пригодными.

"Нарочно спрашивают они меня, – думал Бурчимуха, – военного народа не любят!" Поэтому, обходя далее местечко, служивый заявлял всем, что он человек смирный и что с утренней же зарёй взвалит себе на плечи котомку и пойдёт дальше во имя Божие своим путём-дорогой, не обидев ни старого ни молодого, ни молодицы ни старухи.

Ничто однако не помогало; во всём местечке не нашёл себе капрал уголка для ночлега.

– Не отыщешь нигде здесь для себя места, – сказал наконец Бурчимухе в одном доме хозя-

ин, вышедши на крыльцо, – давным-давно здесь всё занято; придётся отправляться тебе за местечко; там есть на большой дороге хата; видишь, где светится огонёк (и при этом хозяин указал рукою на мерцавший вдалеке слабый свет). Да впрочем, – добавил в раздумье хозяин, – туда идти тебе нестать...

– А что? – спросил торопливо служивый.

– Да струсил, пожалуй, потому что в той хате водится теперь нечистая сила, никому она не даёт покоя.

– Так только-то, – улыбнувшись перебил служивый, – ну, приятель, это нам ни по чем!

Поблагодарив за совет хозяина, Бурчимуха поплёлся на огонёк. Далеко показалось служивому колесить в обход по дороге; известное дело, по прямому пути дойдёшь поскорее, и вот Бурчимуха живо, по военному, разобрал высокий плетень и пошёл вперёд на приветный огонёк, не сворачивая ни шагу в сторону.

Было уже совсем темно в это время; не без труда перелезал служивый то через гряды, то через рытвины, то через ямы, решительно добираясь до ночлега прямо без малейшего обхода. Вот наконец очутился он перед хатой,

постучался в двери и после опроса тоненьким женским голосом: "кто там?" двери отворились.

Бурчимуха вошёл в чистенькую комнатку и увидел перед собой прехорошенькую девушку. Девушка, впустив служивого, опрومتью выбежала сама из каморки и позвала отца и мать.

– Гость в дом – Бог в дом, – сказал отец девушки служивому, повторяя, вместо приветствия, старопольскую поговорку. – Рад я, приятель, твоему приходу, да уложить тебя на беду негде; там спим мы сами в большой тесноте, а здесь тебе оставаться не приходится, – добавил хозяин, боязливо озираясь.

– Отчего ж? – спросил твёрдым голосом служивый.

– Ходит здесь нечистая сила, – робко сказал хозяин, и при этих словах муж и жена проговорили набожно: "Езус-Мария!"

– Труссы вы, труссы! – сказал презрительно капрал, покачивая головою и посматривая пристально на хозяйскую дочь.

Посмотреть на неё стоило. Кася (уменьшительное имя от Катерины) была девушка лет

восемнадцать; прямо́те и стройности её стана могли позавидовать любые красавицы Варшавы и Кракова; густая, крепко заплетённая коса высоким бугорком поднималась над тёмными волосами; на смуглом лице Каси пробивался яркий румянец, на щеках её были ямочки, а глазки блестели, как блестят два огонька в бессарабской степи, когда их разведут там в тёмную осеннюю ночь кочевые цыгане около своего табора.

"Славная девушка, – думал про себя служивый, – а кому-то она достанется? стар я для неё, да и грудь-то у меня навывлет прострелена пулей".

Покуда так думал служивый, хозяин, хозяйка и их дочь суетились, готовя для прохожего горелку, тютюн и варёную печёнку. Разговаривая с добрыми хозяевами о местном ксёндзе, о ярмарке, о костёле, о том и другом, капрал попивал горелку, покуривал трубку и закусывал печёнкой.

Но вот пора и спать; уже долетел до хаты глухой бой одиннадцати часов на костельной колокольне. Сжалось сердце добрых хозяев, когда они, пожелав Бурчимухе приятного сна,

пошли спать, оставив завернувшего к ним прохожего в добычу нечистой силе. Одна только Кася улыбнулась лукаво, проговорив скороговоркой капралу: "Покойная ночь!"

– Вздор, – сказал Бурчимуха, оставшись один в страшной комнате, – вздор! скорей я поймаю чёрта за чупрун, нежели он схватит меня за ус, – и при этом старый служивый, с горделивой осанкой, покрутил свой седой ус, доходивший до самого плеча.

Затем он налил себе порядочный шкалик горелки; выпил один, выпил другой, выпил и третий, закурил трубку и, положив подле себя толстую дорожную палку, стал поджидать нечистой силы.

Вот опять послышался бой костельных часов. Они ударили полночь. За каждым медленным их ударом, капрал спешил выпивать по шкалику горелки. При последнем ударе часов, Бурчимухе показалось, что вместо одного шкалика – стоят на столе два, вместо одной свечки – горят две, и наконец вместо одной трубки – у него изо рту торчат две.

– Так вот где она, эта дьявольская сила! – крикнул громко служивый, швырнув с раз-

маха о пол опорожнённую им стеклянную фляжку. Звонко задребезжали на полу разбитые куски стекла; но ещё не кончилось их дребезжание, как вдруг за дверями послышался явственный звон цепей. Двери распахнулись, и в комнату вошло какое-то чёрное страшилище с оковами на руках.

Капрал не струсил, он даже не выпустил трубки изо рта и со всего разбега подскочил к привидению, схватил его за чуб и принялся колотить его палкой изо всей мочи. Видно было, что нечистая сила не приучила себя в такому обращению. Нечистый упал перед капралом на колени и стал просить о помиловании, ударяя себя в грудь так сильно, как никогда не бьёт себя перед исповедью самый тяжкий грешник.

– Кто ты такой, приятель? – грозно спросил капрал, держа нечистого за чуб и замахиваясь на него палкой.

– Я... я... работник в здешнем доме, – отвечало привидение, дрожа всем телом, – имя мне Блажек; я крепко люблю Касю, и она не смотрит на меня искоса, да вся беда наша в том, что отец и мать не хотят её за меня вы-

дать...

– Ну, так что ж? – перебил Бурчимуха.

– Так вот я, – продолжал оправляясь Блажек, – и шляюсь так, как ты меня теперь видишь, каждую ночь, и кричу что есть силы: "не дам вам ни покоя, ни отдыха, пока не выдадите вы Касю за Блажека!"

Служивый выпустил из своей руки чуб Блажека.

– Эту чёрную накидку с серебряным крестом на спине, – продолжал чистосердечно Блажек, – дал мне костельный сторож; ей накрывают в костёле покойников, а цепи я отбил от плуга. Вот всё что могу сказать вам, вельможный пан, – добавил Блажек, – только не выдавайте меня хозяину, а лучше всего устройте дело так, чтоб Кася была моей женой.

Служивый стал ходить по комнате мерными шагами, потирая себе лоб.

– Если вельможный пан сделает мне это, – заговорил снова Блажек, – то он может приходить ко мне и к Касе во всякое время и пить у нас горелку, сколько его душе будет угодно.

– Славно! – крикнул Бурчимуха, – иди те-

перь с Богом, а завтра увидимся.

Блажек чуть не повалился капралу в ноги перед своим уходом, а Бурчимуха разлётся на скамейке и захрапел, подумав однако наперёд о том, как он лихо будет пить на даровщину.

Только что забрезжилось утро, как хозяйка и хозяин заговорили между собой о капрале.

– Нужно будет, – сказала печально хозяйка, – послать заказать гроб, да попросить отца плебана со святой водой: верно нашего гостя уж задушила нечистая сила.

– Вечный покой его душе, – отвечал заунывным голосом хозяин, – охота же ему была самому искать смерти! На то впрочем и рождаются военные люди, – добавил он, махнув рукой.

Медленным шагом и с сильным замиранием сердца поплелись хозяева к той комнате, где они оставили ночевать капрала.

– Всякое дыхание да хвалит Господа!.. – крикнули в один голос испуганный муж и жена, увидев шедшего к ним навстречу Бурчимуху, и уж хотели бежать от него в запуски, как колени у них подкосились от страху, и

они остановились на одном месте, будто вкопанные.

– Да, да, хозяйева, плохо у вас в хате, – заговорил зловещим голосом капрал, – помучился я было в нынешнюю ночь; хорошо ещё, что я наткнулся на такого же служивого, какой я сам.

С ужасом начали хозяйева спрашивать Бурчимуху о том, что с ним было в продолжение ночи.

Прежде всего он потребовал себе горелки, а потом рассказал, что в хате хозяев поселился покойный прадед хозяина, который согрешил перед прадедом Блажека, и который теперь за это не может иметь покоя на том свете, до тех пор, пока правнучка его не выйдет замуж за Блажека.

– Плохо вам будет от него! – добавил Бурчимуха. – Порассказал мне покойник, что он был также капралом и в том самом регименте, в котором служил я; а известно, что наши полковые не дают никому спуску.

Простаки поверили старому капралу, порешили выдать Касю за Блажека, и весело отпраздновали их свадьбу. Хитрый сват пил в

этот день за четверых; на другой день молодые повели его, на свой счёт, в соседнюю корчму, на третий день в другую, а потом стали угощать его горелкой каждый день на дому.

Скучно было капралу только то, что ему приходилось пить одному. И вот он начал приискивать для себя товарищей в местечке. На что на другое не скоро подыщешь годного человека, а для выпивки найдёшь людей целыми десятками; и действительно, сегодня капрал угощал на счёт Блажека трёх, а завтра угощал на его счёт пятерых, а там стал уже созывать пьяниц десятками. До последнего гроша издержался Блажек: пришлось ему забирать горелку в долг.

– Господин капрал, – сказал наконец Блажек своему свату, – пейте сами, по нашему уговору, сколько вашей чести будет угодно, – хоть купайтесь сами каждый день в горелке, пусть всё это будет вам на здоровье, но только оставьте ваших приятелей. Я-то с моей Касей пробьюсь как-нибудь всю жизнь, но у нас будут и детки, – ведь мы не для шутки обвенчались; а им придётся, по милости вашей, ид-

ти по миру...

Вспыхнул от гнева капрал при таком замечании.

– Так вот ты, приятель, каков! – крикнул он на Блажека, и не говоря более ни слова побежал к его тестю, которому и рассказал начисто все проделки его зятя.

Обомлел с первого раза пан Ваврек, когда узнал, что его Кася досталась Блажеку не совсем чисто, по-христиански, а при помощи каких-то дьявольских затей; он опрометью кинулся к войту, к главному блюстителю порядка и тишины во всём местечке. Войт. созвал тотчас же старост и понятых, и начался у них суд над Блажеком.

Все заседания этого суда сопровождались непомерным истреблением горелки, которою почивал судей отец Каси, стараясь этим способом возбудить в них беспощадную строгость к обманщику. В этом суде, не подводя никаких статутов, а только под влиянием горелки, постановили: "посадить Блажека в одну клетку, а Касю в другую, и обо всём что случилось рассказать отцу плебану". Последнее исполнили тотчас, но первое решение бы-

ло трудно выполнить на деле, потому что подсудимые не ждали своего приговора и давным-давно улепетнули из местечка...

Между тем осеннее ненастье прошло; ветер разогнал густые тучи на юг и на север, и в то время, как судьи произносили над Касей и над Блажеком свой окончательный приговор, на голубом вечернем небе проглянул серебряный ноготок молодого месяца.

Само собою разумеется, что упоминать в нашем рассказе о молодом месяце было бы вовсе не кстати, если бы у всех рядивших и судивших дело Каси и Блажека, а в особенности у первого его зачинщика, у Бурчимухи, не болела от горелки голова, начиная с первого появления молодого месяца и до конца полнолуния...